

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-186-193

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП НЕПРЯМОГО ВЫРАЖЕНИЯ У ИГОРЯ МЕЛАМЕДА

© Руслан Берестнев, Артём Скворцов

IGOR MELAMED'S POETIC PRINCIPLE OF INDIRECT EXPRESSION

Ruslan Berestnev, Artem Skvortsov

The article studies the work of the modern poet Igor Melamed (1961–2014). Among the writers of his time, he stands out for his creative uniqueness and clarity of aesthetic and historical-cultural convictions. The corpus of Igor Melamed's texts has been almost completely published by now, representing three separate editions. The purpose of this study is to consider the poet's aesthetic position in terms of the methods of working with subtext and the principle of indirect expression of meaning. Working with a quotation fund is one of the difficult poetic techniques that is aesthetically convincing when implemented in Igor Melamed's work, it differs from the technique used by his contemporaries in its complexity and versification daintiness. The article analyzes the poet's poem, which is most indicative in this regard: "Snow clogs the darkness, oppresses vision..." (1987), containing a rather rare example of handling a classical (Pushkin's) original source. The theoretical basis for this principle can be found in various traditions, it is widely used in ancient Indian poetry (vakrokti). The use of indirect expression is also found in other texts by Igor Melamed, but in the poem "Snow clogs the darkness, oppresses vision...", the principle of vakrokti is the most fully implemented.

Keywords: Melamed, subtext, quotation fund, aesthetic position, vakrokti

Статья посвящена изучению творчества современного поэта Игоря Меламеда (1961–2014). На фоне литераторов своего времени он выделяется творческой уникальностью и четкостью эстетических и историко-культурных убеждений. Корпус текстов Игоря Меламеда к настоящему времени практически полностью опубликован и представляет собой три отдельных издания. Целью настоящего исследования является рассмотрение эстетической позиции поэта с точки зрения способов работы с подтекстом и принципом непрямого выражения смысла. Работа с цитатным фондом – одна из непростых поэтических техник, которая эстетически убедительно реализуется в творчестве Игоря Меламеда и отличается от использования данного приема его современниками сложностью и версификационной изысканностью. В статье анализируется наиболее показательное в этом отношении стихотворение поэта «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» (1987), где имеется довольно редкий пример обращения с классическим (пушкинским) первоисточником. Теоретическое обоснование данного принципа можно усмотреть в разных традициях, а широкое обращение к нему имеется в древнеиндийской поэзии (вакрокти). Обращение к непрямому выражению встречается и в других текстах Игоря Меламеда, но в стихотворении «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» поэт реализует принцип вакрокти наиболее полно.

Ключевые слова: Меламед, подтекст, цитатный фонд, эстетическая позиция, вакрокти

Для цитирования: Берестнев Р., Скворцов А. Поэтический принцип непрямого выражения у Игоря Меламеда // Филология и культура. Philology and Culture. 2025. № 1 (79). С. 186–193. DOI: 10.26907/2782-4756-2025-79-1-186-193

Настоящая статья является частью общего исследования поэтики и эстетики И. С. Меламеда [1], [2], [3]. В данном случае нас интересуют принципы работы поэта с подтекстом и то, как они реализуются в некоторых его стихотворениях.

Игорь Сунерович Меламед (1961–2014) – поэт, переводчик, пародист, эссеист. Свой творческий путь Меламед начинал в конце 1970-х – начале 1980-х гг., известность обрел в 1990-е гг.

В контексте русской поэзии последней четверти XX – начала XXI в. Меламед заметно выделялся благодаря сознательному отстранению

от основных тенденций времени, в первую очередь – от некоторых модернистских и особенно постмодернистских, в том числе от наиболее влиятельной в 1970–90-е гг. поэзии «новой волны» (Ю. Н. Арабов, Е. А. Бунимович, С. М. Гандлевский, В. Я. Друк, А. В. Ерёменко, И. Ф. Жданов, И. М. Иртенев, Д. Г. Новиков, Н. Ю. Искренко, Т. Ю. Кибиров, В. С. Коваль, В. П. Коркия, А. Ш. Левин, А. М. Парщиков, Д. А. Пригов, Л. С. Рубинштейн, В. И. Салимон, В. Я. Строчков, В. Я. Тучков, А. П. Цветков, М. А. Шатуновский и др.).

Как литератор Меламед отличался четко структурированным мышлением, твердыми историко-культурными убеждениями, уходящими корнями в эпоху «золотого века», вызывающей анахроничностью своей эстетической позиции и литературным универсализмом. Основным художественным модусом в андеграундной поэзии 1970–80-х был иронический, а эстетические задачи во многом определялись противостоянием советскому культурному официозу. Именно эти тенденции в значительной мере определили лицо русской поэзии в эпоху перестройки, когда неподцензурная словесность пришла к широкому читателю и продолжали быть влиятельными все девяностые годы. При этом большинство представителей новой волны в качестве эстетического канона и основного ориентира рассматривали эпоху модернизма.

В отличие от своих коллег Меламед принадлежал к немногочисленным и разрозненным представителям иной традиции – авторов, опиравшихся преимущественно на опыт классической поэзии XVIII–XIX вв. В своей лирике поэт не боролся с советским канонам и не занимался его карнавальными похоронами, а сознательно его игнорировал, обращаясь к до- и внесоветским культурным пластам. Перечисленные особенности приводили к тому, что фигура Меламеда оказывалась в стороне от большинства веяний эпохи, что отнюдь не мешало поэту активно творчески участвовать в современном ему контексте.

Несмотря на неизменно высокую оценку поэзии Меламеда в литературной среде, критических материалов о нем, прижизненных и посмертных, не так много [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18], [19], [20], а филологическая рецепция его художественного наследия, по сути, только начинается. Немногочисленные работы о его поэзии посвящены главным образом анализу отдельных стихотворений, образов и мотивов [21], [22], [23], [24].

Творческое наследие Меламеда не столь велико и к настоящему времени практически полностью опубликовано – три издания, последовательно представившие его эссеистику и критику, затем лирику и переводы и, наконец, пародически-эпиграмматическую часть его корпуса текстов, позволяют воспринимать поэта целостно [25], [26], [27].

Максимально полное посмертное собрание стихотворений и переводов Меламеда с демонстративно «классическим» названием «Арфа серафима» (2015) вышло через год после публикации собрания его концептуальных теоретических и критических работ (2014). Название книги стихов аллюзивно отсылает к пушкинскому «Пророку», но буквально это автоцитата о разьединении тела и души: «<...> чтоб не так невыносимо / в смертный миг, в бессмертный час / пела арфа серафима, / разлучающая нас» [26, с. 110].

В первом по времени выхода томе содержится шесть работ по эстетике изящной словесности и еще восемь публикаций, связанных с конкретными личностями и литературными поводами. Только два текста, принципиально важных для эстетических взглядов автора, «Отравленный источник» и «Совершенство и самовыражение», были опубликованы при его жизни в составе книги «В черном раю» [28, с. 137–227].

Хорошо продуманная концепция творчества, подробно изложенная в названных статьях, едва ли не предвзяла авторскую лирику, эссе и литературно-критические статьи Меламеда, которые взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Как уже было отмечено, по отношению к проблеме выраженности эстетических взглядов русских поэтов рубежа тысячелетий можно разделить на следующие группы:

- 1) авторы, не имеющие ясной эстетической позиции;
- 2) авторы, обладающие такой позицией, однако открыто не проявляющие ее;
- 3) авторы, редко демонстрирующие свои взгляды и сознательно избегающие полемики;
- 4) авторы, обладающие индивидуальной эстетикой и последовательно отстаивающие ее [10, с. 190].

Меламед относится к последней категории. Один из важных постулатов меламедовской эстетики, наиболее развернуто представленной в самой объемной его теоретической работе «Совершенство и самовыражение» (1997), гласит, что истинная поэзия – не результат рациональных усилий автора, а плод творческой благодати: «Чувство, неизменно сопутствующее чтению иных шедевров Пушкина, Лермонтова или Фета: стихи вовсе не написаны в привычном смысле

этого слова. Безотчетная уверенность, что такое совершенство не могло быть достигнуто только человеческим, сколь угодно гениальным, порывом. Что стихи как-то угаданы, продиктованы свыше. Что в процесс их создания вмешались чудесные благодатные силы. В этом нисколько не сомневались сами поэты. У Пушкина „божественный глагол“, касающийся „до слуха чуткого поэта“ – не совсем метафора» [25, с. 31].

Филолог Е. А. Иванова, знавшая поэта в последние годы его жизни, отмечает, что представление о творческом акте как благодати не было для Меламеда абстрактной гипотезой: «Игорь Меламед считал поэзию даром Божиим в буквальном смысле слова. Мне кажется, он искренне не понимал, за что ему дарована возможность писать стихи, как они вообще получаются. И он был абсолютно уверен, что в его причастности к чуду поэзии нет никакой его личной заслуги» [12, с. 114].

Это убеждение Меламеда, которое без преувеличения следует считать фундаментальным, восходит к целому ряду пушкинских произведений: «Поэт и толпа», «Пророк», «Поэту», к неоконченной поэме «Езерский» и другим. В итоговом «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» ключевой эпитет *нерукотворный* – в первую очередь означает «божественного происхождения» [29, с. 350].

В цитированной работе Меламеда находим обоснования актуальности для него пушкинских взглядов на поэтическое творчество. В соответствии с ними настоящая поэзия – вдохновение, даруемое свыше, но поэт не отвергает идеи труда литератора, редактору и не исключает существование черновиков, поскольку «Благодать не снисходит на поэта в „готовом виде“» [25, с. 32].

Подобные взгляды на предназначение поэта и поэзии нашли отражение не только в эссеистике Меламеда, но и в его лирике. В то же время идея благодатности поэзии как таковой не входит у автора в противоречие с изучением стиховой техники, подчас сколь угодно изощренной. Об этом ясно свидетельствуют его лирика и переводы, неизменно отличающиеся высокой стиховой культурой. Но в не меньшей степени мастерское владение стихом и слогом проявилось у Меламеда в его деятельности пародиста, стилизатора и эпиграмматиста (почти полностью скрытой при жизни от широкой публики).

Корпус сатирических, иронических, бурлескных и шуточных текстов, по объему сопоставимый с авторской лирикой [27], стилистически исполнен контрастно по отношению к его стихам. Тем не менее и «серьезные» лирические, и «несерьезные» комические тексты автора – его,

говоря в бахтинской терминологии, абсолютный верх и абсолютный низ – находятся в комплементарных, взаимодополнительных отношениях как части единого художественного целого. По сути, в обоих внешне контрастных видах литературной деятельности Меламед отстаивал одну и ту же эстетическую программу: в лирике он показывал, как, с его точки зрения, надо писать стихи поэту на рубеже XX–XXI вв., а в комической части – приводил различные примеры того, как это делать не следует. Таким образом, разоблачительно-пародийная деятельность автора есть не что иное как одна из форм литературной полемики, идейно смыкающаяся с некоторыми его резкими инвективами и критическими положениями, открыто изложенными в эссеистике и статьях.

В этом смысле литературное наследие Меламеда в сравнении с современным ему поэтическим окружением вновь демонстрирует уникальность. Единственная близкая ему по времени аналогия – творчество его старшего современника Ю. Д. Левитанского, тонкого лирика, работающего преимущественно в элегическом модусе, который, тем не менее, неожиданно для многих коллег и читателей единожды выступил в роли талантливой поэта-пародиста в книге «Сюжет с вариантами» (1978). Ситуации резкого и в то же время эстетически убедительного жанрового и стилистического переключения автора – свидетельство художественной зрелости творца, демонстрация полного владения разными техниками, практиками и методами.

По Меламеду, мастерская версификация лишь инструмент, который всегда должен быть у поэта под рукой, – и особенно в те моменты, когда на него изливается благодать: именно полное и свободное овладение механизмом стиха дает автору шанс передать продиктованный свыше «божественный глагол» с наименьшими искажениями.

Одна из наиболее сложных поэтических техник – создание подтекста и вообще работа с цитатным фондом. Здесь вновь уместно обратиться к поэзии новой волны. Представители этого направления сделали цитатность и даже центонность характерными приемами своей эстетики. У Арапова, Бунимовича, Гандлевского, Друка, Ерёмченко, Иртеньева, Кибирова, Коркия, Левина, Строчкова и других авторов чужое слово неизменно увязывается с иронией по поводу штампов и в широком смысле с литературной игрой, которая носит «санитарный» характер – это культурная гигиена, способ преодолеть разнообразные литературные и ментальные стереотипы. Для Меламеда же цитатность в лирике, сколь

угодно сложная и версификационно изысканная, с подобной иронической функцией не связана.

В этом отношении показательно стихотворение Меламеда «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» (1987). Оно представляет собой специфический случай переосмысления претекста (вновь пушкинского).

«Снег засоряет мрак, угнетает зренье.
Явь убивает сон и окурки множит.
Как упоительно это его сомненье,
это его смирение: *еще быть может...*

Спи же, дитя мое, – *не совсем угасла.*
Только совсем замерзла, и так ей плохо...
Яви не хватит ночи, лампаде – масла,
сердцу – тепла, пересохшей гортани – вдоха,

чтобы я вас – продолжить, и комом к горлу
что-то подступит тяжко, немилосердно...
Видно, не нужно время тому глаголу,
если не повторить нам его посмертно.

Если метель такая – не то что бесы –
даже и ангел взвояет: темно и снежно.
Только и хочешь выжить, и то лишь, если
будет совсем *безмолвно и безнадежно...*»
[26, с. 75] (курсив авт. – Р. Б., А. С.).

Эпиграф к этому стихотворению Меламеда – самое начало хрестоматийной пушкинской элегии: «Я Вас любил...». Кроме того, в разных строфах встречаются цитатные выражения «*еще быть может*», «*не совсем угасла*», «я вас», «*безмолвно и безнадежно*», выделенные курсивом.

Меламед обращается к Пушкину, используя популярный постмодернистский инструментарий (явная и на первый взгляд странная горько-саркастическая цитатность хрестоматийной классики), в то же время споря с постмодернизмом по сути.

Стихотворение уже привлекало внимание филологов. В статье В. П. Иванюка оно трактуется как пример современного развития пушкинской любовной тематики: «По эпиграфической подсказке предметом лирической рефлексии анализируемого стихотворения является любовь» [24, с. 204]. Исследователь обращает внимание на любовное чувство лирического героя и приходит к выводу о различно устроенной временной организации двух произведений [Там же, с. 207].

На наш взгляд, эпиграф здесь – лукавый авторский ход, призванный пустить читателя по «боковой тропе». Стихотворение Меламеда повествует вовсе не об изменчивости любовного чувства и посвящено другой теме.

Д. П. Бак, один из немногих филологов и критиков, лично знавших Меламеда с юности, в предисловии к собранию стихов «Арфа серафима» отмечает: «Уже в это время (в 80-е годы XX в. – Р. Б., А. С.) складывается универсальная топология меламедовского стихотворения: бессонница в морозную ночь, снегопад, боль одиночества, оставленности, теплое объятие родного человека на мировом холоде, которое обречено на умирание» [30, с. 11].

Именно темы фатального человеческого одиночества, оставленности и, скажем определеннее, богооставленности – ведущие у Меламеда, в то время как тема любовная носит у него подчиненный характер, зачастую выступая не более чем метонимическим заместителем основной тематики.

В «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» перед нами довольно редкий пример сложного поэтического приема – непрямого выражения и сознательной авторской подмены на первый взгляд очевидного для читателя объекта.

Прием непрямого выражения относится к одному из самых древних поэтических ходов и, по своей сути, устроен подобно метафоре. Но если в конвенционально используемой метафоре «сквозь призму» одного предмета видится другой и метафора обычно является элементом чего-то большего (причем нередко элементом орнаментальным), то принцип непрямого выражения влияет на семантику всего произведения.

Теоретическое обоснование данного принципа находим в разных традициях, но наиболее полно он нашел свое выражение в древнеиндийской (в западноевропейских ему отчасти соответствует принцип развернутой метафоры). У индусов он назывался вакрокти и выполнял такую функцию: «Когда, имея в виду одну вещь, говорят о другой, с нею схожей <...>» [31, с. 130].

В отечественном литературоведении объем понятия вакрокти описывается следующим образом: «<...> в обобщенном виде принцип „непрямого выражения“ может быть представлен как описание (выражение) одной вещи (предмета описания) посредством или даже чаще под видом другой вещи (объекта описания). Под „вещью“ в том и другом случае следует понимать не только некий вещественный предмет (либо лицо или явление), качество или действие, но и намерение, чувство и т.п.» [32, с. 79].

Именно этот эффект наблюдается в стихотворении Меламеда. Принцип вакрокти воплощается здесь так. Демонстративно взяв один из самых «затертых» пушкинских текстов, который неоднократно становился предметом поэтиче-

ских переосмыслений, в том числе иронических (см. «Я вас любил. Любовь еще...» И. А. Бродского), современный поэт радикально меняет то, что является отправной точкой для рефлексий лирического героя. Объектом у обоих поэтов выступает чувство, но подразумеваемые чувства у них различны.

У Пушкина инициатором рефлексий выступает женщина, анонимная и в пространстве стихотворения полностью лишенная индивидуальных черт. У Меламеда тема диалектики любовного чувства (в данном случае – как можно предполагать, чувства мужчины к тяжело больной женщине), то есть горизонтальная оппозиция «человек / другой человек», по ходу развития композиции изящно и почти незаметно меняется на тему веры – и здесь возникает уже вертикальная оппозиция «человек/Бог».

На первый взгляд, подобный тезис представляется малообоснованным. Но медленное чтение стихотворения позволяет увидеть, что стилистически оно «аранжировано» заметно иначе, чем у Пушкина. В нем, в отличие от претекста, где нет ни единого упоминания конкретного предмета или реалии, есть вполне определенные и связанные с религиозной и церковной тематикой образы – «масло», «лампада», «бесы», «ангел». Они возникают здесь отнюдь не случайно. Важно и другое: многозначные и эмоционально богатые существительные «сердце» и «глагол», включенные в такой определенный ассоциативный контекст, также не окрашены в тона любовной лирики. Столь же закономерно автором вводится наречие «немилосердно», вызывающее мрачные ассоциации и трагически отвергающее важнейшую христианскую идею прощения и милосердия. Обращает на себя внимание и неожиданно возникающий во второй строфе мотив колыбельной («Спи же, дитя мое...»), и дальнейший грамматический переход от единственного числа к множественному: «если не повторить нам его посмертно». Кто же это дитя? В данном случае – явно не ребенок (очевидно, такой образ никак не вязался бы с пушкинским первоисточником), а дитя Бога, то есть обобщенный образ человека. В таком случае грамматическое «мы» – это не только лирический герой вместе с кем-то (видимо, с любимой и тяжело больной женщиной), но и все люди вместе взятые, все страдающее человечество. Но от чего же оно страдает и что подразумевается под введенным курсивом пушкинским выражением «не совсем угасла»? Представляется, что речь идет не столько об угасании земной любви или завершении чьей-то жизни, сколько о небесном, о вере.

Послание Меламеда можно трактовать так: вера «замерзла», почти исчезла, причем не у конкретного лирического героя, а у современного человека вообще.

Интересно, что связанные друг с другом образы «метели», «бесов» и «ангела» могут быть легко возведены к пушкинским источникам («Метель», «Капитанская дочка», «Бесы», «Пророк» и др.), и это вновь указывает отнюдь не на любовную, а на духовную тематику – Меламед словно дает в руки читателю ключи к семантике своего стихотворения: да, аллюзивность здесь пушкинская, но общая тема не совпадает с посылом «Я вас любил...».

Религиозная тема – одна из ведущих в лирике поэта, и хронологически ближайший к стихотворению контекст его творчества свидетельствует об этом со всей определенностью: во всех стихах 1987 г., созданных незадолго до «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» и сразу после него («Больница», «„Не отнимай ее, Господи!..“ – Но...», «Прижимаясь к стеклу, говорю...», «Разбуди меня в душную ночь...» и др.), явны соответствующие мотивы и образы.

Обращение к непрямому выражению встречается и в других сочинениях Меламеда. Так, «Колыбельная» (1995) строится на ироническом контрасте между декларируемым и подразумеваемым, «И лед на полыхающем виске...» (1999) – на противопоставлении «игрушечности» распадающегося микрокосма отдельного человека и всевластия Творца, «Псалом» (2005) – на сюжетно-композиционном твисте, когда эмоционально убедительно развиваемая тема метафизического отчаянья неожиданно оборачивается в финале темой Господней любви. Однако лишь в «Снег засоряет мрак, угнетает зренье...» поэт реализует принцип вакроктики в полном соответствии с заветами древних – когда скрытый объект выступает под маской явленного, постепенно возникая перед читателем по ходу развертывания поэтического целого.

Список источников

1. Берестнев Р. Б. Образ железной дороги в творчестве Игоря Меламеда // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 7. С. 2001–2005.
2. Берестнев Р. Б. Поезд как символ судьбы в творчестве И. Меламеда // // Татьяна день: Сборник статей и материалов XX Всероссийской научно-практической конференции «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвященной памяти Т. А. Геллер (25–27 января 2023 года, г. Казань). Казань: РИЦ Школа, 2024. Вып. 20. С. 19–22.
3. Берестнев Р. Б. Эстетическая позиция Игоря Меламеда в контексте современной русской поэзии (о

пушкинских традициях в творчестве) // XXXIII ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ (Москва, Институт им. А. С. Пушкина, 16–17 ноября 2023). М., 2024 (статья РИНЦ, в печати).

4. Абдуллаев Е. В. Псалмы утешения. О книге Игоря Меламера «Воздаяние» // Интерпоэзия. 2010. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2010/3/psalmy-utesheniya.html> (дата обращения: 19.11.2024).

5. Амелин М. А. Игорь Меламед и его гетеронимы // И. С. Меламед. Литературные маски: Друзья и родственники Сёмы Штапского. М.: ОГИ, 2020. С. 5–8.

6. Бак Д. П. Игорь Меламед, или «...я, маленький мальчик, в бессонных ночах...» // Д. П. Бак. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. С. 328–331.

7. Басинский П. В. «Душа моя, со мной ли ты еще?..» (О книге Игоря Меламера) // И. С. Меламед. В черном раю: Стихи, переводы, статьи. М.: Книжный сад, 1998. С. 229–235.

8. Басинский П. В. Памяти друга // И. С. Меламед. О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. С. 5–8.

9. Данилова Д. Две бабочки: Волшебный сачок Игоря Меламера // Ex Libris НГ. 2008. 19 июня. URL: https://nvo.ng.ru/poetry/2008-06-19/5_melamed.html (дата обращения: 19.11.2024).

10. Скворцов А. Э. Нетолерантная эстетика. <Рец. на кн.: Игорь Меламед. О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. 204 с.> // Новый Мир. 2015. № 5. С. 190–193.

11. Иванова Е. А. Опыт преодоления боли. Игорь Меламед // Вопросы литературы. 2010. № 1. С. 69–83.

12. Иванова Е. А. Поэт катастрофического сознания. Памяти Игоря Меламера // Prosōdia. 2015. № 3. С. 106–114.

13. Иванова Е. А. «Волшебное моцарство...» (Игорь Меламед. Арфа серафима: Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015) // Октябрь. 2017. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2017/8/volshebnoe-moczarstvo.html> (дата обращения: 10.11.2024).

14. Карпенко А. Н. К юбилею Игоря Меламера. «Статьи о русской поэзии». 2011. URL: <https://web.archive.org/web/20150704124922/http://www.poezia.ru/article.php?sid=90091> (дата обращения: 19.11.2024).

15. Кравцов К. П. Уроки Игоря Меламера // Литература – Электронный литературный журнал. 2023. № 206. URL: <https://litteratura.org/criticism/701-konstantinkravcov-uroki-igorya-melamed.html> (дата обращения: 19.11.2024).

16. Крючков П. М. Скончался российский поэт, переводчик и эссеист Игорь Меламед // Фома. 2014. 16 апреля. URL: <https://foma.ru/skonchalsya-rossijskij-poet-perevodchik-i-esseist-igor-melamed.html> (дата обращения: 19.11.2024).

17. Куллэ В. А. Существо поэзии (Игорь Меламед. В черном раю) // Октябрь. 2000. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2000/1/sushhestvo-poezii-igor-melamed-v-chernom-rayu.html> (дата обращения: 19.11.2024).

18. Нестеренко М. А. Слово и дело Игоря Меламера // RaraAvis. Открытая критика. 2016. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/slovo_i_delo_igorya_melamed (дата обращения: 10.11.2024).

19. Шкловский Е. А. Игорь Меламед. В черном раю // Знамя. 1999. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/igor-melamed-v-chernom-rayu.html> (дата обращения: 19.11.2024).

20. Ямпольский В. Н. Об одном стихотворении Игоря Меламера // Литература. 2014. № 16. URL: <http://litteratura.org/427-vadim-yampolskiy-ob-odnom-stihotvorenii-igorya-melamed.html> (дата обращения: 10.11.2024).

21. Скворцов А. Э. Поэтическая зрелость: бесконечное приближение // Вопросы литературы. 2006. № 5. С. 81–93.

22. Сёмина А. А. Георгий Иванов и русские поэты второй половины XX века (С. Чудаков, И. Меламед, Д. Новиков, Б. Рыжий): дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 257 с.

23. Сёмина А. А. Личность и творчество Георгия Иванова в рецепции Игоря Меламера // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 59–69.

24. Иванюк Б. П. «Снег засоряет мрак, угнетает зренье» И. Меламера: диалог с прототекстом («Я вас любил, любовь еще быть может...») А. Пушкина // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 198–211.

25. Меламед И. С. О поэзии и поэтах: Эссе и статьи. М.: ОГИ, 2014. 204 с.

26. Меламед И. С. Арфа серафима. Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015. 380 с.

27. Меламед И. С. Литературные маски: Друзья и родственники Сёмы Штапского. М.: ОГИ, 2020. 254 с.

28. Меламед И. С. В черном раю: Стихи, переводы, статьи. М.: Книжный сад, 1998. 240 с.

29. Полный церковнославянский словарь Г. М. Дьяченко. М., 1899. 1120 с.

30. Бак Д. П. «Пожизненное детство». Поэзия и правда Игоря Меламера // И. С. Меламед. Арфа серафима: Стихотворения и переводы. М.: ОГИ, 2015. С. 5–27.

31. Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 342 с.

32. Цветкова С. О. Словесные фигуры и принцип непрямого выражения (вакрокти) в санскритской классической поэтике // Зографский сборник. Вып. 3 / Российская академия наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Я. В. Васильков]. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 78–87.

References

1. Berestnev, R. B. (2023). *Obraz zheleznoi dorogi v tvorchestve Igorya Melameda* [The Image of the Railway in the Works of Igor Melamed]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 7, pp. 2001–2005. (In Russian)

2. Berestnev, R. B. (2024). *Poezd kak simbol sud'by v tvorchestve I. Melameda* [Train as a Symbol of Fate in the Works of I. Melamed]. *Tat'yanin den': Sbornik statei i materialov XX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Literaturovedenie i estetika v XXI veke"* ("Tat'yanin den'"), posvyashchennoi pamyati T. A. Geller (25-27 yanvarya 2023 goda, g. Kazan'). No. 20, pp. 19–22. (In Russian)
3. Berestnev, R. B. (2024). *Esteticheskaya pozitsiya Igorya Melameda v kontekste sovremennoi russkoi poezii (o pushkinskikh traditsiyakh v tvorchestve)* [Igor Melamed's Aesthetic Position in the Context of Contemporary Russian Poetry (On Pushkin's Traditions in Creativity)]. XXXIII PUSHKINSKIE CHTENIYA (Moskva, Institut im. A. S. Pushkina, 16–17 noyabrya 2023) (stat'ya RINC, v pechati). (In Russian)
4. Abdullaev, E. V. (2010). *Psalmu uteshenii. O knige Igorya Melameda "Vozdayanie"* [Psalms of Consolation. About the Book "Retribution" by Igor Melamed]. *Interpoeziya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2010/3/psalmy-utesheniya.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
5. Amelin, M. A. (2020). *Igor' Melamed i ego geteronimy* [Igor Melamed and His Heteronyms]. I. S. Melamed. *Literaturnye maski: Druz'ya i rodstvenniki Syomy Shtapskogo*. Pp. 5–8. Moscow, OGI. (In Russian)
6. Bak, D. P. (2015). *Igor' Melamed, ili "...ya, malen'kii mal'chik, v bessonnnykh nochakh..."* [Igor Melamed, or "...I Am, a Little Boy, in Sleepless Nights..."]. *Sto poetov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoi russkoi poezii*. Pp. 328–331. Moscow, Vremya. (In Russian)
7. Basinskii, P. V. (1998). *"Dusha moya, so mnoi li ty eshchyo?..." (O knige Igorya Melameda)* ["My Soul, Are You Still with Me?..." (About the Book by Igor Melamed)]. I. S. Melamed. *V chyornom rayu: Stihi, perevody, stat'i*. Pp. 229–235. Moscow, Knizhnyi sad. (In Russian)
8. Basinskii, P. V. (2014). *Pamyati druga* [In Memory of a Friend]. I. S. Melamed. *O poezii i poetakh: Esse i stat'i*. Pp. 5–8. Moscow, OGI. (In Russian)
9. Danilova, D. (2008). *Dve babochki: Volshebnyi sachok Igorya Melameda* [Two Butterflies: Igor Melamed's Magical Net]. *Ex Libris NG*. 19 iyunya. URL: https://nvo.ng.ru/poetry/2008-06-19/5_melamed.html (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
10. Skvortsov, A. E. (2015). *Netolerantnaya estetika* [Intolerant Aesthetics]. *Rec. na kn.: Igor' Melamed. O poezii i poetakh: Esse i stat'i*. M.: OGI, 2014. 204 s. *Novyi Mir*. No. 5, pp. 190–193. (In Russian)
11. Ivanova, E. A. (2010). *Opyt preodoleniya boli. Igor' Melamed* [Experience of Overcoming Pain. Igor Melamed]. *Voprosy literatury*. No. 1, pp. 69–83. (In Russian)
12. Ivanova, E. A. (2015). *Poet katastroficheskogo soznaniya. Pamyati Igorya Melameda* [The Poet of Catastrophic Consciousness. In Memory of Igor Melamed]. *Prosodia*. No. 3, pp. 106–114. (In Russian)
13. Ivanova, E. A. (2017). *"Volshebnoe motsartstvo..." (Igor' Melamed. Arfa serafima: Stikhotvoreniya i perevody. M.: OGI, 2015)* ["Magical Mozartism..." (Igor Melamed. Harp of the Seraphim: Poems and Translations. Moscow: OGI, 2015)]. *Oktyabr'*. No. 8. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2017/8/volshebnoe-mozartstvo.html> (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
14. Karpenko, A. N. (2011). *K yubileyu Igorya Melameda. "Stat'i o russkoi poezii"* [On the Anniversary of Igor Melamed. "Articles on Russian Poetry"]. URL: <https://web.archive.org/web/20150704124922/http://www.poezia.ru/article.php?sid=90091> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
15. Kravtsov, K. P. (2023). *Uroki Igorya Melameda* [Lessons by Igor Melamed]. *Litteratura. Elektronnyi literaturnyi zhurnal*. No. 206. URL: <https://litteratura.org/criticism/701-konstantinkravcov-uroki-igorya-melameda.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
16. Kr'uchkov, P. M. (2014). *Skonchalsya rossiyskii poet, perevodchik i esseist Igor' Melamed* [Russian Poet, Translator and Essayist Igor Melamed Has Died]. *Foma*. 16 aprel'ya. URL: <https://foma.ru/skonchalsya-rossijskij-poet-perevodchik-i-esseist-igor-melamed.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
17. Kulle, V. A. (2000). *Suschestvo poezii (Igor' Melamed. V chyornom rayu)* [The Creature of Poetry (Igor Melamed. In the Black Paradise)]. *Oktyabr'*. No. 1. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2000/1/sushestvo-poezii-igor-melamed-v-chnom-rayu.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
18. Nesterenko, M. A. (2016). *Slovo i delo Igorya Melameda* [The Word and Deed of Igor Melamed]. *RaraAvis. Otkrytaya kritika*. URL: http://rara-rara.ru/menu-texts/slovo_i_delo_igorya_melameda (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
19. Shklovskii, E. A. (1999). *Igor' Melamed. V chernom rayu* [Igor Melamed. In the Black Paradise]. *Znamya*. No. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/3/igor-melamed-v-chnom-rayu.html> (accessed: 19.11.2024). (In Russian)
20. Yampol'skii, V. N. (2014). *Ob odnom stikhotvorenii Igorya Melameda* [About One Poem by Igor Melamed]. *Litteratura*. No. 16. URL: <http://litteratura.org/427-vadim-yampolskii-ob-odnom-stikhotvorenii-igorya-melameda.html> (accessed: 10.11.2024). (In Russian)
21. Skvortsov, A. E. (2006). *Poeticheskaya zrelost': beskonechnoe priblizhenie* [Poetic Maturity: An Infinite Approach]. *Voprosy literatury*. No. 5, pp. 81–93. (In Russian)
22. Syomina, A. A. (2018). *Georgii Ivanov i russkie poety vtoroi poloviny XX veka (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, B. Ryzhii): diss. ... k. filol. n.* [Georgy Ivanov and Russian poets of the Second Half of the 20th Century (S. Chudakov, I. Melamed, D. Novikov, V. Ryzhiy): Ph.D. Thesis]. 257 p. Moscow. (In Russian)
23. Syomina, A. A. (2019). *Lichnost' i tvorchestvo Georgiya Ivanova v retseptsii Igorya Melameda* [The Personality and Creativity of Georgy Ivanov in the Reception of Igor Melamed]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. T. 78, No. 5, pp. 59–69. (In Russian)
24. Ivanyuk, B. P. (2023). *"Sneg zasoryaet mrak, ugnetaet zren'e" I. Melameda: dialog s prototekstom ("Ya vas lyubil, lyubov' eshchyo byt' mozhet..." A. Pushkina*

["Snow Clutters the Darkness, Depresses Vision" by I. Melamed: A Dialogue with the Prototext ("I Loved You, Love May Still Be...") by A. Pushkin]. *Novyi filologicheskii vestnik*. No. 4 (67), pp. 198–211. (In Russian)

25. Melamed, I. S. (2014). *O poezii i poetah: Esse i stat'i* [About Poetry and Poets: Essays and Articles]. 204 p. Moscow, OGI. (In Russian)

26. Melamed, I. S. (2015). *Arfa serafima. Stihotvoreniya i perevody* [Seraphim's Harp. Poems and Translations]. 380 p. Moscow, OGI. (In Russian)

27. Melamed, I. S. (2020). *Literaturnye maski: Druz'ya i rodstvenniki Syomy Shtapskogo* [Literary Masks: Friends and Relatives of the Shtapsky Family]. 254 p. Moscow, OGI. (In Russian)

28. Melamed, I. S. (1998). *V chyornom rayu: stikhi, perevody, stat'i* [In the Black Paradise: Poems, Translations, Articles]. 240 p. Moscow, Knizhnyi sad. (In Russian)

29. *Polnyi tserkovnoslavyanskii slovar'* G. M. D'yachenko (1899) [Complete Church Slavonic

Dictionary by G. M. Dyachenko]. 1120 p. Moscow. (In Russian)

30. Bak, D. P. (2015). *"Pozhiznennoe detstvo". Poeziya i pravda Igorya Melameda* ["Lifelong Childhood". Igor Melamed's Poetry and Truth]. I. S. Melamed. *Arfa serafima: Stihotvoreniya i perevody*. Pp. 5–27. Moscow, OGI. (In Russian)

31. *Vostochnaya poetika: Teksty. Issledovaniya. Kommentarii* (1996) [Eastern Poetics: Texts. Research. Comments]. 342 p. Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura", RAN. (In Russian)

32. Tsvetkova, S. O. (2013). *Slovesnye figury i printsip nepryamogo vyrazheniya (vakrokti) v sanskritskoi klassicheskoi poetike* [Verbal Figures and the Principle of Indirect Expression (Vakrokti) in Classical Sanskrit Poetics]. *Zografskii sbornik*. Vyp. 3, pp. 78–87. Rossiiskaya akademiya nauk, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera). St. Petersburg, MAE RAN. (In Russian)

The article was submitted on 16.12.2024

Поступила в редакцию 16.12.2024

Берестнев Руслан Балабекович,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Ruslanber@mail.ru

Скворцов Артём Эдуардович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bireli@inbox.ru

Berestnev Ruslan Balabekovich,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Ruslanber@mail.ru

Skvortsov Artem Eduardovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bireli@inbox.ru